

О. С. Макарова

Формирование образа врага в начальный период Великой Отечественной войны и переосмысление стереотипов советской пропаганды довоенного периода

Изучение трансформации образа врага в годы Великой Отечественной войны в настоящее время имеет важное общественно-политическое значение для развития современного российского общества и государства. Принятой в отечественной исторической науке является датировка начального периода войны с 22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г. Данная периодизация представлена в трудах К. И. Букова, М. М. Горинова, А. Н. Пономарева, Г. М. Ипполитова, С. Н. Полторака, С. И. Репко¹ и др. С позиции исследования пропагандистской работы, проводимой в СССР в годы войны, более корректной необходимо считать хронологию первого периода осуществления советской пропагандистской работы начиная с 22 июня 1941 г. по май 1942 г. включительно. В данный период обстановка на фронтах складывалась крайне неудачно для советского командования. Именно с мая 1942 г. началась коренная переоценка пропагандистских установок.

В статье использованы докладные записки, содержащиеся в фонде Московского городского комитета (МГК) КПСС Центрального архива общественных движений г. Москвы, а также периодическая печать. В данных материалах нашли отражение основные закономерности развития пропагандистской работы в начальный период Великой Отечественной войны. Указанные архивные документы, кроме прочего, содержат ценную информацию относительно работы органов государственной безопасности в военное время.

В газете «Правда» от 23 июня 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мо-

**Макарова
Олеся Сергеевна**
преп., Ленинградский
государственный
университет им.
А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург,
Россия)

биллизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому округам»². Согласно данному документу, призыв коснулся военнообязанных 14 возрастов: 1905–1918 гг. рождения³. В последующем мобилизация расширилась, она затронула граждан других возрастов.

В это время возникает острый вопрос о морально-психологическом состоянии населения Советской страны. В пропагандистских целях на заводах и предприятиях прошли массовые митинги. Рабочие и служащие реагировали на начало военных действий таким образом: «Если надо, то будем работать и сутки, и двое, а если надо, то и больше, чтобы наша страна победила»⁴, «Ох и гадина этот Гитлер! На что он рассчитывает? Ведь если мы их били голыми руками, одними вилами, то теперь, когда у нас машин хватит, — ему крышка будет. Вот кончу смену, приду домой, а там повестка в армию. И поеду я Гитлера бить. Без ордена назад не вернусь»⁵.

Судя по информации начальника УНКВД по Московской области комиссара госбезопасности 3-го ранга П. Н. Кубаткина, предоставленной заместителю народного комиссара внутренних дел В. А. Абакумову, в обществе существовали не только патриотические, но и пораженческие настроения. Они пресекались арестами и другими мерами процессуального принуждения военного времени. В частности, военврач г. Ногинска Тобиас уверял, что «войну с Германией мы проиграем — это ясно. Но до этого придется пройти немало испытаний. Техника у нас кой-какая есть, но в тылу у нас неблагополучно, и Гитлер на это рассчитывает»⁶. Данилов, служащий райдорстреста Сталинского района, говорил: «Наконец-то мы вздохнем легко. Через три дня Гитлер будет в Москве, и интеллигенция заживет по-хорошему»⁷. П. Н. Кубаткин подытожил, что на 21 час 23 июня арестовано уголовно-бандитского и контрреволюционного элемента 79 человек⁸. Одновременно с этим он отметил отрицательное поведение некоторых призывников. Так, на призывном пункте в Таганском районе г. Москвы был задержан некий Иванов, который ранее являлся инженером завода «Серп и молот». Он проводил агитацию за отказ от службы в РККА. В Куйбышевском районе призывник Николаев, не желая служить в РККА, покончил жизнь самоубийством⁹.

Такая противоречивость в поведении населения не случайна, так как преувеличение потерь противника и приуменьшение собственных является частью пропаганды всех воюющих армий. Советские пропагандистские измышления в начале войны звучали из разных источников. В сводке из газеты «Правда» от 23 июня 1941 г.: «Противник был отбит с большими потерями»¹⁰. 3 июля 1941 г. И. В. Сталин заявил по радио о том, что «лучшие дивизии врага и лучшие части уже разбиты»¹¹. В ноябре 1941 г. в докладе к годовщине Октябрьской революции он привел фантастическую цифру потерь врага — более 4,5 млн человек¹². Немецкая пропаганда тоже заявляла о том, что советская армия разбита и война закончится до наступления зимы.

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что в первые дни войны высшее советское партийно-государственное руководство пребывало в растерянности

в вопросе выбора стратегии правильного описания происходящих событий. Пакт Молотова — Риббентропа до самого нападения на СССР обязывал демонстрировать дружбу с Германией. Произошла переоценка своих сил и недооценка противника. В области идеологии ситуация была кризисной. Дружественный германский народ и армия, состоящая в значительной части именно из рабочих и крестьян, на практике оказались смертельным врагом. Никакая солидарность пролетариата и интернационализм продемонстрированы не были. Базовые идеологические установки оказались ложными.

Последовало масштабное распространение репрессивных мер, для того чтобы укрепить дисциплину и поднять моральный дух РККА. Но первостепенной задачей стало не решение идеологических проблем, а укрепление дисциплины для противодействия мародерству, дезертирству, совершению общеуголовных преступлений как бойцами РККА, так и гражданским населением в условиях военного времени. Разведчик, в будущем профессор ЛГУ М. О. Малышев, в своем дневнике 5 декабря 1941 г. записал: «Жутко и страшно. Я впервые присутствовал на суде военного трибунала. Судили бойцов из нашего подразделения за воровство каши. Приговор был короток и ясен — расстрелять»¹³. Эти пропагандистские действия возбуждали тревогу и во многих случаях панику среди советских граждан. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»¹⁴, за распространение слухов назначался реальный тюремный срок от 2 до 5 лет. Слухи приравнивались к «моральной диверсии»¹⁵.

С целью укрепления воинской дисциплины организовывались агитационно-разъяснительные мероприятия. На страницах газеты «Боевая тревога» от 10 июля 1941 г. сообщалась об исполнении мер уголовной ответственности, применяемой военными судами за распространение вредоносных слухов и разжигание паники. В частности, срок разбирательства по делу сокращался до 24 часов с момента поступления обвинительного заключения. Приговоры приводились в исполнение немедленно, смертная казнь применялась в течение 72 часов. Трибунал сравнивался с мечом, который неотвратимо карает врагов родины¹⁶.

Советская власть использовала два основных способа мобилизации населения на военную службу: по призыву и добровольно. В связи с этим имелся ряд недочетов. В частности, в Октябрьский райвоенкомат г. Москвы 24 июня подлежало явке 1800 человек, явилось же только 814. Значительное количество военнообязанных в Клинском районе приходили на призывные пункты в пьяном виде. Военнообязанный Гусев, рабочий торфоразработок, с целью уклонения от призыва в РККА ранил себя холодным оружием¹⁷.

Для мобилизации населения требовался ненасильственный механизм воздействия на сознание советского человека. Именно пропаганда помогала решать эту непростую задачу. Необходимо было создать образ врага, чтобы разъяснить людям, зачем они идут на смерть, более того, почему они должны брать в руки оружие и убивать. В качестве субъектов мобилизации выступили государство, коммунистическая партия и сам лидер страны. Радиоречь

И. В. Сталина от 3 июля 1941 г. свидетельствует о том, что власть осознала необходимость прямого и без прикрас правдивого обращения к советскому народу об исключительно тяжелом положении, в котором оказалась страна: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом»¹⁸.

После этого разъяснения вождя фактически на всех фабриках, заводах и учреждениях в тот же день последовали многолюдные патриотические митинги. Выступившая на одном из митингов инструктор Ленинского района партии С. Вагина высказалась так: «Все присутствующие как один выразили свою любовь, преданность нашей великой, любимой социалистической родине, нашему лучшему другу, отцу и учителю — т. Сталину. Все выступающие как один заявили о своей готовности немедленно встать и грудью защищать нашу страну от гнуснейшего врага, изверга и людоеда — германского фашизма»¹⁹. Незамедлительно составил отчет первому секретарю МГК ВКП(б) А. С. Щербакову о реакции населения на выступление И. В. Сталина и П. Н. Кубаткин, он написал: «Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны т. И. В. Сталина вызвало среди трудящихся г. Москвы и Московской области новый прилив патриотизма, энергии и воли к борьбе за победу над фашизмом»²⁰.

На станкозаводе им. Орджоникидзе т. Смольников, член партии, бывший слесарь, заведующий раздаточной мастерской, снятый с учета военнообязанных по болезни, в своем выступлении заявил: «Страна моя находится в опасности. Сейчас я не признаю никаких болезней. По военной специальности я пулеметчик, оставаться вне фронта не могу. Прошу записать меня в рабочее ополчение»²¹. Тут же передала заявление в партбюро Т. Кузина, труженица фабрики «Ударница»: «Я выражу мнение всех женщин нашей фабрики, если заявлю, что мы, работницы, в любой момент готовы для защиты нашей родины отдать все свои силы»²². Рабочий фабрики пластмасс Рассказов выразил свое мнение относительно речи И. В. Сталина следующим образом: «Чеканная, теплая речь вождя. Его слова — братья и сестры — доходят до сердца каждого. В ответ на нее хочется еще лучше работать, отдав все силы и энергию любимой Родине»²³. Начальник цеха фабрики «Большевичка» Ефимов собрал своих подчиненных и обратился к ним со словами: «Вождь своей речью сплотил весь народ и мобилизовал его на разгром врага. Теперь каждый от мала до велика пойдет в народное ополчение и встанет на защиту Родины»²⁴.

Однако П. Н. Кубаткин в своем отчете зафиксировал и противоречивые высказывания, которые ставили под сомнение истинность слов, содержащихся в выступлении И. В. Сталина. Например, инженер Перельман сказал, что «все эти речи, мобилизация народа, организация тылового ополчения свидетельствуют об исключительной ненадежности фронта и не спасут положения. Видимо, в скором времени немец займет Москву, и советской власти не удержаться»²⁵. Майзель, редактор издательства «Физкультура и туризм», добавил: «Положение на фронте более серьезно, чем об этом сказал Сталин. Победы Гитлера весьма значительны. Немцы вплотную подходят к Москве. Все эти разговоры о народном ополчении — детские и наивные забавы. Они не имеют

серьезного значения. Здесь, как и всегда, мы с нашей обычной деловитостью гонимся за показной стороной. СССР накануне решающих событий»²⁶. Данные панические настроения не сыграли значительной роли. В целом необходимо отметить, что подавляющее большинство граждан СССР самоотверженно откликнулись на борьбу с фашизмом. Критика решений руководства была возможна в мирное время. Но в военное она означала распространение панических настроений, т. е. преступление.

К мобилизации подключилась творческая интеллигенция. Писатель А. Н. Толстой, выступая 10 августа 1941 г. на I Всеславянском митинге в Москве, произнес речь «Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма». Свой монолог он завершил такими словами: «Мы хотим высших даров человеческой свободы: развития культуры, искусств и наук, благоденствия, счастья. Культура, а не война. Во имя этих высоких общечеловеческих целей — в бой, славяне! В победный бой с фашистскими варварами, пьяными от крови и грабежа! Смерть фашизму!»²⁷. Таким образом, были четко обозначены гуманистические цели борьбы, которую вел советский народ.

На первом этапе военных действий партийная идеология выстраивалась по двум направлениям. Необходимо было убедить советский народ в том, что победа непременно и бесспорно будет за СССР, но в то же время она потребует огромных жертв. Война будет долгой и тяжелой, поэтому нужны огромные человеческие ресурсы на фронте и в тылу. Фашистская Германия объявила тотальную войну на уничтожение не только советского государства, но и общества нашей страны. Но жертвы оправданы, народы СССР борются не только за свободу от порабощения, но и за само право жить на своей земле. Поражение и капитуляция означают рабство и смерть, и, напротив, борьба означает сохранение жизни и свободы. Медицинская сестра Е. Ершова описала ситуацию, свидетельницей которой стала: «Вдоль одного шоссе шли дети. Звери-фашисты отняли у них родителей, отняли кров, хлеб. Дети были измучены, они шатались от усталости и голода. Но этого мало было фашистским извергам. Немецкий стервятник снизился и начал поливать маленьких беззащитных сирот пулеметным огнем. Он вернулся второй раз, чтобы добить их. В первую же секунду, когда я стала свидетелем кошмарных фашистских насилий, я поклялась мстить, мстить, мстить двуногим зверям»²⁸. Объяснение широким массам населения данной информации не является идеологическим штампом советской пропаганды, а, наоборот, расценивается как описание истинного положения дел, в котором и заключалась важнейшая задача идеологической работы в годы войны в СССР.

В данный период времени советская агитация допускала серьезную ошибку: враг представлялся в смешном или беспомощном виде. В июне 1941 — мае 1942 г. персональные нападки на действующих высших руководителей Германии с целью их дискредитации оказались преждевременными, они вызывали лишь отрицательные отзывы у солдат вермахта²⁹. Еще до начала войны в СССР создавались специальные подразделения, которые имели целью воздействовать на личный состав вражеских войск. Советский и российский военный деятель, создатель службы спецпропаганды в РККА М. И. Бурцев писал: «Кто он, наш враг? Да, знания противника, его морально-политического потенциала —

вот чего нам тогда действительно не хватало. Мы острее начинали понимать, как важно знать буквально все: историю Германии, ее экономику, культуру, идеологию господствующего класса, обычаи, нравы и традиции народа, его психический склад, особенности развития армии»³⁰.

Накануне войны в стране был создан мощный военно-промышленный комплекс, перевооружена армия. Большинство ошибок, допущенных царским правительством в годы Первой мировой войны, были изучены, что позволило сделать ряд выводов. В целом советское руководство оказалось готово к временной потере ряда регионов в борьбе с таким сильным противником, каким была фашистская Германия, уже одержавшая победы над Францией, Польшей, Югославией и другими странами.

В равной степени как в СССР, так и в Германии важным считался учет опыта не только Первой мировой войны, но и войны 1812 г.: «Воровски, не объявляя войны, войска Наполеона выступили 24 июня 1812 года. Почти ту же дату и тот же метод избрал для вторжения в СССР зазнавшийся Гитлер»³¹. «Великая армия» Наполеона одержала ряд крупных побед над войсками Российской империи, продвинулась в глубь страны более чем на тысячу километров и в итоге заняла древнюю столицу — Москву. Но победа стала пирровой: «Партизанские отряды крестьян по частям истребляли армию Наполеона, лишая ее пищи, огня, крова, уничтожали ее обозы, овладевали ее оружием и боеприпасами»³². Тяжелые потери, усталость, деморализация армии и ожесточенное сопротивление российских войск стали причиной неизбежного поражения Франции.

После неудачи советских войск в ходе проведения военной операции под Харьковом 12–28 мая 1942 г. германскими войсками был прорван фронт. Противник получил возможность осуществления наступательной операции. В результате вражеским войскам удалось выйти к Кавказскому хребту и р. Волге в районе Сталинграда. В данной ситуации СССР оказался перед угрозой прекращения поставок нефти и полным военным разгромом. Победные настроения зимы 1941 г. сменились осознанием катастрофичности ситуации. Именно в мае 1942 г. над СССР нависла реальная опасность военного поражения, которое в Германии стало рассматриваться как неизбежное. Советское руководство начало понимать, что образ противника четко не обозначен и он должен отличаться от того, что был сформирован в самом начале Великой Отечественной войны.

¹ Буков К. И., Горинов М. М., Пономарев А. Н. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Ипполитов Г. М., Полторацк С. Н. О некоторых особенностях советской пропаганды и агитации в первый (оборонительный) период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — ноябрь 1942 г.) // Клио. 2013. № 4. С. 67–79; Пенко С. И. Цена иллюзий. Пропаганда на войска и население противника в первые месяцы войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 11. С. 8–15.

² Правда. 1941. 23 июня.

³ Там же.

⁴ Центральный архив общественных движений г. Москвы (далее — ЦАОДМ). Ф. 4. Оп. 34. Д. 8. Л. 33–35.

- ⁵ ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 34. Д. 8. Л. 33–35.
- ⁶ Буков К. И., Горинов М. М., Пономарев А. Н. Москва военная. С. 52.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 53.
- ¹⁰ Правда. 1941. 23 июня.
- ¹¹ *Ипполитов Г. М., Полторак С. Н.* О некоторых особенностях советской пропаганды и агитации в первый (оборонительный) период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — ноябрь 1942 г.) // Клио. 2013. № 4. С. 72.
- ¹² Там же.
- ¹³ Личный архив Н. М. Малышевой, дочери разведчика Мелетия Олеговича Малышева.
- ¹⁴ Ведомости ВС СССР. 1941. № 32. С. 19.
- ¹⁵ *Кубаткин П. Н.* Уничтожим шпионов и диверсантов // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/388761> (дата обращения: 02.02.2023).
- ¹⁶ Боевая тревога. 1941. 10 июля.
- ¹⁷ Буков К. И., Горинов М. М., Пономарев А. Н. Москва военная. С. 55.
- ¹⁸ Правда. 1941. 3 июля.
- ¹⁹ ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 34. Д. 8. Л. 69–70.
- ²⁰ Буков К. И., Горинов М. М., Пономарев А. Н. Москва военная. С. 67.
- ²¹ ЦАОДМ. Ф. 4. Оп. 34. Д. 8. Л. 69–70.
- ²² Там же.
- ²³ Буков К. И., Горинов М. М., Пономарев А. Н. Москва военная. С. 68.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 69.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Правда. 1941. 11 августа.
- ²⁸ Там же. 9 сентября.
- ²⁹ *Ренко С. И.* Цена иллюзий. С. 13.
- ³⁰ *Буцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 10.
- ³¹ Правда. 1941. 6 июля.
- ³² Там же. 11 июля.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2023 г.
Рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Макарова О. С. Формирование образа врага в начальный период Великой Отечественной войны и переосмысление стереотипов советской пропаганды довоенного периода // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 584–591.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.304>

Аннотация: В статье отмечается, что в общественном сознании и государственной пропаганде образ противника не был четко обозначен, что влекло размытое восприятие внешней опасности. Политическое руководство СССР понимало, что необходимо перевернуть мышление советского народа, т. е. созрела необходимость в рождении нового образа врага, который должен отличаться от того, что был сформирован в предыдущих войнах. Старые пропагандистские догматы об интернациональной солидарности рабочих и крестьян разбились о суровую реальность. Пропагандисты СССР в начале войны не нуждались в особом поиске документальных подтверждений о зверствах, которые совершали захватчики. До завершения контрнаступления под Москвой 5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г. у советских воинов в умонастроениях частыми были недоумение и страх. У мобилизованных солдат, впервые оказавшихся на фронте, полностью отсутствовало представление о противнике. Враг, покоривший многие государства Европы и подошедший к стенам столицы, воспринимался машиной, которую остановить невозможно. После неудач 1942 г. победные настроения зимы 1941 г. сменились осознанием

катастрофичности ситуации. Именно в мае 1942 г. над СССР нависла реальная опасность военного поражения, которое в Германии стало рассматриваться как неизбежное. Советское руководство начало понимать, что образ противника четко не обозначен и он должен отличаться от того, что был сформирован в самом начале Великой Отечественной войны. В 1942 г. советские агитаторы вступили уже с многочисленными фотоматериалами и кинодокументами, в которых были свидетельства расправ над детьми, женщинами, стариками. Отрицательная характеристика противника выражалась в эпитете — «звери», советский народ научился ненавидеть врага.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пропаганда, агитация, образ врага, идеология, мобилизация, Красная армия.

Сведения об авторе: Макарова О. С. — преп., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия); m9843711@yandex.ru

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

FOR CITATION

Makarova O. S. 'The Image of the Enemy During the Initial period of the Great Patriotic War and the Rethinking of the Stereotypes of Soviet Propaganda of the Pre-War Period', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 3, 2023, pp. 584–591. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.304> (In Russian)

Abstract: The article notes that in the public consciousness and state propaganda, the image of the enemy was not clearly defined, which led to a blurred perception of external danger. The political leadership of the USSR understood that it was necessary to turn the thinking of the Soviet people, i. e. the need has ripened for the birth of a new image of the enemy, which should be different from what was formed in previous wars. The old propaganda dogmas about the international solidarity of workers and peasants have been shattered against harsh reality. The propagandists of the USSR at the beginning of the war did not need a special search for documentary evidence of the atrocities committed by the invaders. Until the end of the counter-offensive near Moscow on December 5, 1941 — January 7, 1942, bewilderment and fear were frequent in the minds of Soviet soldiers. The mobilized soldiers who were at the front for the first time had no idea about the enemy. The enemy, who conquered many states of Europe, and approached the walls of the capital, was perceived as a machine that could not be stopped. In 1942, Soviet agitators entered with numerous photographic materials and film documents, in which there was evidence of reprisals against children, women, and the elderly. The negative characterization of the enemy was expressed in the epithet — "animals", the Soviet people learned to hate the enemy.

Keywords: Great Patriotic War, propaganda, agitation, image of the enemy, ideology, mobilization, Red Army.

Author: Makarova O. S. — Lecturer, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia); m9843711@yandex.ru

Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

References:

Bukov K. I., Gorinov M. M., Ponomarev A. N. *Military Moscow. 1941–1945. Memoirs and archival documents* (Moscow, 1995). (In Russian)

Burtsev M. I. *Insight (Military memoirs)*. (Moscow, 1981). (In Russian)

Ippolitov G. M., Poltorak S. N. 'On some features of Soviet propaganda and agitation in the first (defensive) period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 — November 1942)', *Klio*, no. 4, 2013. (In Russian)

Kubatkin P. N. *Let's destroy spies and saboteurs* (Moscow, 1995). (In Russian)

Repko S. I. 'The price of illusions. Propaganda on the enemy's troops and population in the first months of the war', *Voенно-исторический журнал*, no. 11, 1992. (In Russian)

Received: February 2, 2023

Accepted: April 15, 2023